

ОПТИКОМ

Alex Aris

ОПТИКОМ

«Автор»

2026

Aris A.

Оптиком / А. Aris — «Автор», 2026

Москва, 2042 год. В запертой Белой комнате находят тело исследовательницы Веры Соколовой. Рядом — Максим Корин, сотрудник компании «Оптиком». Он сам вызывает охрану, отдаёт оружие и признаётся в убийстве. Однако Максим помнит каждое действие, но не может найти ни мотива, ни прежних чувств. Следователь Илья Минин и нейроинженер Лада Нестерова обнаруживают в его импланте скрытые световые каналы. Кто-то неделями менял силу привязанности, страха и запрета на насилие, превращая человека в автора нужного решения. След ведёт к государственной программе «Контур». Но вмешательство не отменяет всего, что Максим сделал сам. Чтобы доказать подмену, ему предлагают вернуть чувства к убитой женщине. Цена процедуры — ещё одна версия личности, созданная уже для суда. «Оптиком» — психологический киберпанк о памяти, свободе воли и власти над человеческим выбором.

© Aris A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Белая комната	6
Глава 2. Послеобраз	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Оптиком

Глава 1. Белая комната

Кровь на белом полу казалась чёрной.

Илья заметил это ещё из коридора, прежде чем стеклянная дверь узнала временный допуск и пропустила его внутрь. За дверью воздух был прохладнее. Пахло медицинским спиртом, нагретой пылью и чем-то сладковатым, похожим на разрезанное яблоко. Наверное, ароматизатор. Здесь умели превращать страх в услугу, а услуге полагалось пахнуть чистотой.

— Ветров?

У стены ждала капитан внутренней охраны. На прозрачном щитке её шлема мигала красная точка записи.

— Он где?

Она указала на соседнее помещение. За перегородкой сидел мужчина в серой рубашке. Ладони лежали на коленях. На запястьях — тонкие чёрные браслеты временной фиксации. Он смотрел прямо перед собой, туда, где в стекле отражалось накрытое тело.

— Сам сдался?

— Его нашли здесь. Оружие положил на пол, отошёл к стене. Команды выполнял. Медики дали только стабилизатор давления.

— Зачем?

Капитан повернулась к нему.

— Что зачем?

— Стабилизатор.

— Было сто восемьдесят на сто десять.

Мужчина за стеклом выглядел так, словно ждал своей очереди в банке.

Илья надел бахилы поверх уже надетых бахил. Вторую пару требовал местный протокол. Он не стал спорить. На полу между дверью и телом светились синие рамки, которыми криминалисты отмечали допустимые проходы. Комната была круглой, хотя снаружи здание состояло из прямых линий. Стены из молочного стекла сходились к потолочному кольцу. Ни углов, ни окон, ни теней. Даже стол в центре был прикручен к полу на одной широкой опоре.

Женщина лежала возле стола на правом боку. Простая тёмная одежда, прозрачные защитные очки, один носок подвернулся внутрь ботинка. Пуля вошла под левую ключицу. Выходного отверстия эксперт пока не нашёл.

— Вера Аркадьевна Соколова, тридцать девять лет, — сказала капитан. — Руководитель группы реконсолидации. Доступ высшего уровня. В двадцать один восемнадцать система зарегистрировала остановку сердца.

— Выстрел слышали?

— Здесь акустическая изоляция.

— Камеры?

— Во время сеанса не работают.

— Удобно.

Капитан не ответила. Судя по лицу, эту реплику она уже слышала.

Илья присел, не переступая синюю линию. На переносице погибшей осталась красная вмятина от очков. Левая рука была вытянута к столу, пальцы полусогнуты. В нескольких сантиметрах от них лежал тонкий прямоугольник фиолетового пластика. Маркировки не было.

— Сняли положение предметов?

— Полная объёмная фиксация закончена. Карточку пока не трогали.

— Почему?

— Наши специалисты её не знают. Может быть лабораторный ключ, может быть биоматериал. Ждём разрешения эксперта.

Илья посмотрел на стол. На матовой поверхности стояла кружка с остывшим чаем. Рядом — прозрачный контейнер с двумя ломтиками яблока. Вот откуда запах.

На противоположной стороне комнаты лежал пистолет. Служебная модель, разрешённая корпоративной охране. Затвор встал на задержку. Магазин был вынут и аккуратно положен рядом.

— Он разрядил оружие после выстрела?

— Да.

— Отпечатки?

— Его. Предварительно. На рукояти и магазине.

На стене за Верой не было широкого следа крови. Только три тёмные точки у нижнего стыка стекла. Эксперт показал Илье лазерную ось: выстрел сделан почти прямо, с расстояния меньше двух метров. Стрелявший стоял между дверью и столом. Вера — лицом к нему.

— Она могла держать что-нибудь в руке?

— Правая ладонь чистая. На левой след пластика, вероятно от карточки. Оружия рядом с ней нет.

Это ещё не рассказывало, почему Максим выстрелил. Зато лишало будущую версию одного удобного движения — будто он защищался от видимой угрозы.

— Запись входа?

Капитан вывела изображение на щиток. Над полом возникла плоская схема: в 21:11 дверь открылась для Веры Соколовой, в 21:14 — для Максима Олеговича Корина. Больше никто не входил. В 21:18 медицинская система отметила резкое изменение состояния Соколовой. В 22:03 был запущен терапевтический комплекс. В 23:41 сеанс завершился. В 00:17 охрана открыла комнату аварийным кодом.

— Кто запустил сеанс?

— Изнутри.

— Соколова уже была мертва.

— Да.

— Значит, Корин.

— Он подтверждает.

— Система предлагала аварийную остановку?

Капитан нашла строку в техническом журнале.

— Запрос на код прекращения появлялся дважды. В двадцать два ноль четыре и в двадцать два шестнадцать. Ответ не зарегистрирован.

— Код был известен Корину?

— Персональный. Система проверяет раз в месяц, но само слово хранится отдельно.

Илья отметил время. Пока это доказывало только то, что машина ждала ответа и не получила его. Не доказывало, видел ли Максим запрос, понимал ли его и мог ли произнести нужное слово.

Илья выпрямился. За стеклом мужчина повернул голову, будто услышал своё имя, хотя звук между помещениями был отключён.

— Почему охрана пришла только через три часа?

— Во время защищённого сеанса тревоги из комнаты блокируются. Так устроен режим конфиденциальности.

— И остановка сердца сотрудницы никого не заинтересовала?

— Медицинский мониторинг внутри автономный. Мы получили пакет после завершения сеанса.

— Очень конфиденциальная смерть.

Капитан открыла служебный план комнаты. Помимо двери на нём значились питание, вентиляция и пять оптических линий, уходивших в пол.

— Куда они ведут?

— В технический коллектор. Доступ только у сервиса.

— Отдельный вход в комнату?

— Нет. Только кабели.

Илья попросил опечатать коллектор. Журнал двери мог доказать, что третьего человека не было рядом с телом. Он ничего не говорил о том, кто находился на другом конце линии.

На этот раз капитан отвела взгляд.

Илья обошёл тело по разрешённой дуге. На стеклянной стене за спиной погибшей виднелась россыпь крошечных световых точек. Они складывались в сетку, повторявшую форму человеческой головы. Несколько диодов продолжали мерцать в дежурном режиме.

— Это и есть ваша установка?

— Оптическая решётка. Я не технический специалист.

— Она воздействует снаружи?

— Свет подаётся через соединение с имплантом.

За правым ухом Корина темнел круглый след размером с монету. Илья принял его за пластырь. Теперь разглядел в центре металлическую точку.

— Его уже осматривали?

— Только на угрозу жизни. От полного сканирования отказался до адвоката.

— Разумно.

— Он признался в убийстве без адвоката.

— Это другое.

Капитан выключила схему.

— Для вас, может быть.

Илья ещё раз посмотрел на погибшую. Рука у фиолетовой карточки. Чай. Яблоко. Пистолет, разобранный по инструкции. Между выстрелом и вызовом охраны — два часа света, поданного в мозг убийцы.

Слишком много порядка для внезапной ссоры. Слишком мало для хорошо подготовленного бегства.

Перед опросом Илья попросил криминалистов собрать только то, что можно было установить без показаний Максима.

Температура чая составляла двадцать девять градусов. По мощности кружки и климату комнаты эксперт оценил: Вера налила его между 20:58 и 21:05. Яблоко разрезали не раньше чем за двадцать минут до выстрела; поверхность ещё не успела потемнеть. Один ломтик лежал ближе к месту Веры, второй — напротив.

— Ждала гостя, — сказала капитан охраны.

— Или собиралась съесть оба, — ответил Илья.

На матовом столе нашли два участка, очищенных от пыли рукавами. Один человек сидел со стороны погибшей, второй либо сидел напротив, либо опирался ладонями. Стул в комнате отсутствовал: его убрали перед защищённым сеансом. Значит, следы могли остаться раньше.

Датчик веса в полу зарегистрировал Веру в 21:11. Первые две минуты она перемещалась между столом и оптической панелью. В 21:13 положила на стол предмет массой от двадцати до сорока граммов — вероятно фиолетовую карточку. Когда вошёл Максим, система отметила дополнительный вес у двери и короткое приближение к столу.

В 21:15 оба находились неподвижно на расстоянии около полутора метров. В 21:16 Вера сделала три шага к стене, затем вернулась. В 21:17 Максим переместился к двери. За девять секунд до выстрела датчик потерял различие между их контурами: они оказались слишком близко.

— Она подошла к нему, — сказала капитан.

— Или он к ней.

— Его отметка у двери.

— Пока алгоритм ещё различал их. Последние девять секунд — общая масса и центр давления.

Эксперт вывел на стену вероятные траектории. Синяя линия Веры, серая Максима, красный круг неопределённости. Линии сходились у края стола, расходились и снова соединялись перед выстрелом. Визуализация выглядела убедительнее исходных датчиков, хотя треть сцены была математическим восстановлением.

Илья попросил убрать линии и сохранить таблицу значений отдельно. В протокол внесли: «взаимное расположение в последние девять секунд не установлено».

Под ногтями Веры нашли прозрачное волокно от защитной перчатки и частицу синего покрытия. На рукаве Максима видимых повреждений не было. Синий материал не совпадал ни со столом, ни с дверью. Его упаковали без версии.

Пульс Веры начал расти в 21:13:24 — почти сразу после появления карточки и за несколько секунд до входа Максима. Значит, страх или физическая нагрузка возникли раньше, чем она увидела оружие. Но датчик измерял сердце, а не причину.

— Она уже знала, что что-то пошло не так, — сказала капитан.

— Она знала что-то, от чего вырос пульс.

Илья записал обе фразы: первую как предположение свидетеля, вторую как предел данных. К утру разница между ними могла решить, начнут ли искать заранее подготовленную ловушку или обычную встречу, закончившуюся убийством.

Последний установленный жест Веры произошёл после ранения. Левая ладонь сдвинулась на семь сантиметров к карточке. Давление пальцев было слабым, но датчик стола его зарегистрировал.

Она могла попытаться взять ключ, передать его Максиму или просто искать опору. Мёртвое движение не объясняло себя. Оно только не позволяло считать карточку случайно лежащим предметом.

Он попросил включить звук в комнате ожидания.

Максим Корин поднял глаза, когда Илья вошёл. Радужка была светло-серой, почти прозрачной под потолочными лампами. Зрачки реагировали одинаково. Ни явной заторможенности, ни дрожи. Только правая ладонь время от времени сжималась, и большой палец искал на указательном несуществующую неровность.

Илья сел напротив. Между ними не было стола.

— Следователь Ветров. Вы понимаете, где находитесь?

— В комнате первичного опроса лабораторного блока номер четыре.

— Я спрашивал не адрес.

Максим подумал.

— Меня задержали по подозрению в убийстве Веры Соколовой.

— Вам разъясняли право не отвечать без адвоката?

— Трижды.

— И всё-таки отвечаете.

— Вы всё равно установите последовательность. Я могу сэкономить время.

Голос был негромкий, без вызова. Так говорят специалисты, когда объясняют очевидное человеку из соседнего отдела.

— Хорошо. Экономьте. Что произошло?

Максим посмотрел на стекло. Теперь оно было затемнено, но очертание накрытого тела ещё угадывалось.

— Вера вошла в Белую комнату в двадцать один одиннадцать. Я вошёл через три минуты. Она стояла у стола. Спросила, принёс ли я внешний накопитель. Я сказал, что накопителя нет.

Она подошла ближе. Я достал пистолет. Она увидела его и отступила на один шаг. Я выстрелил один раз.

— Откуда вы знаете точное время?

— Часы показали двадцать один восемнадцать.

— Что она сказала перед выстрелом?

— «Макс, посмотри на меня».

Большой палец снова провёл по указательному.

— Вы посмотрели?

— Да.

— И выстрелили.

— Да.

— Куда целились?

— В середину груди. Она двигалась, поэтому попал левее.

— После выстрела?

— Подошёл. Проверил пульс на сонной артерии. Пульса не было. Разрядил оружие. Положил его на пол.

Илья выдержал паузу. Обычно человек пытался заполнить её объяснением, просьбой, оправданием. Максим ждал следующего вопроса.

— Почему вы не вызвали помощь?

— Она была мертва.

— Вы врач?

— Военный медик в прошлом.

— Ошибиться не могли?

— Мог. Вероятность была мала.

— Даже малая вероятность стоила вызова.

— Сейчас я с вами согласен.

— А тогда?

— Тогда не согласился.

В соседней комнате кто-то передвинул металлический лоток. Звук дошёл через вентиляцию: короткий скрежет, затем удар. Максим вздрогнул. Не плечами — пальцами. Правая рука на мгновение сложилась так, будто держала рукоять пистолета.

Он заметил взгляд Ильи и разжал ладонь.

— Что вы делали с двадцати двух часов трёх минут?

— Провёл аварийный цикл декомпрессии.

— Что это означает?

— Система вызывает отмеченные состояния и снижает их аффективный индекс.

— По-человечески.

— Воспоминание остаётся. Его способность вызывать чувство уменьшается.

— Какое чувство вы уменьшали?

Максим впервые отвёл взгляд не к стеклу, а вниз, на свои руки.

— Не знаю.

— Вы только что подробно описали три часа своей жизни.

— Один час тридцать восемь минут.

— И не помните, зачем включили машину?

— Помню, зачем. Чтобы больше не испытывать состояние, которое испытывал после смерти Веры.

— Какое?

— Этого доступа нет.

— Страх?

— Возможно.

— Вина?

— Вероятно.

— Горе?

Правая рука снова сжалась. На мониторе у двери частота пульса поднялась с семидесяти двух до ста девяти. Лицо Максима осталось спокойным.

— Это слово связано с сильной физиологической реакцией, — сказал он.

— Я вижу.

— Я её не чувствую.

Илья придвинул стул на несколько сантиметров. Максим сразу проследил за движением, оценил расстояние и вернул взгляд к лицу собеседника. Навык охранника сохранился.

— Вы любили Веру Соколову?

— В документах и сообщениях есть основания полагать, что да.

— Я спрашиваю вас.

— У меня нет переживания, которым я мог бы подтвердить этот ответ.

— Вы были близки?

— У нас была сексуальная связь. Семь месяцев. Последняя встреча вне работы — девятого октября, у неё дома.

— Вы говорите об этом так, будто читали отчёт.

— Я помню квартиру. Синий скот на чашке. Шум водопровода после полуночи. Она складывала одежду на стул, хотя всегда говорила, что ненавидит беспорядок.

На слове «одежду» пульс снизился. На слове «всегда» поднялся снова.

— Это ваши воспоминания?

— Да.

— Но женщина за стеклом вам никто.

Максим долго смотрел на затемнённую перегородку.

— Неверная формулировка. Я знаю, кем она мне была.

— Тогда почему убили?

— Потому что считал это необходимым.

— Для чего?

— Не знаю.

— Она угрожала вам?

— Не помню угроз.

— Вашей дочери?

На мониторе цифры изменились слишком быстро: сто девять, сто двадцать семь, сто сорок два. Максим глубоко вдохнул. Потом ещё раз. Лицо наконец дрогнуло — не от страха, а от раздражения на собственное тело.

— Моей дочери двенадцать, — сказал он. — Её зовут Ника. Она живёт с моей бывшей женой. Сегодня должна была писать контрольную по истории.

— Я не спрашивал, сколько ей лет.

— Вы спросили об угрозе. У меня возникла реакция. Я проверил доступные сведения.

— В памяти?

— Да.

— И что нашли?

— Ничего, что объясняет реакцию.

Илья отметил время. 04:26. За стенами лаборатории город ещё жил предыдущей ночью. Где-то Ника Корина спала или уже знала, что её отец убил женщину. Через несколько часов её имя появится в служебных запросах, а к полудню — в утечках, если компания не сумеет удержать прессу.

- Кто мог запустить систему кроме вас?
- Запуск подтвердил я.
- Кто выбрал программу?
- На экране был готовый аварийный протокол.
- Кто его подготовил?
- Не знаю.
- Вы не удивились, что после убийства в системе вас уже ждёт подходящая процедура?
- Нет.
- Почему?

Максим нахмурился. Это было первое выражение, совпавшее с содержанием разговора.

- Тогда мне это казалось ожидаемым.
 - А сейчас?
 - Сейчас — нет.
 - Что изменилось?
 - Я больше не являюсь человеком, которому это казалось ожидаемым.
- Фраза прозвучала без нажима. Илья записал её дословно.
- Вы пытаетесь подготовить защиту?
 - Нет.
 - Хотите сказать, что убийство совершил кто-то другой?
 - Нет. Стрелял я.
 - Оружие ваше.
 - Да.
 - Решение ваше.

Максим помедлил.

- В момент выстрела — да.
- Значит, и ответственность ваша.
- Это должен решить суд.
- Удобный ответ.
- Он точный.

Илья закрыл протокол. Ему встречались люди, репетировавшие признание перед зеркалом, люди, признавшиеся из усталости, любви, страха и желания прославиться. Каждый пытался получить что-то от слушателя: наказание, прощение, внимание, право сменить тему. Максим не просил ничего. Даже отказался от возможности выглядеть невиновным.

— Последний вопрос на сегодня. Если процедура убрала чувства, зачем вы остались рядом с телом?

Максим посмотрел на свои связанные руки.

- В комнате лежала мёртвая женщина. Уходить было неправильно.
- Откуда вы это знаете?
- Правило сохранилось.
- Но вы уже нарушили правило не убивать.
- Значит, они хранятся в разных местах.

В дверь заглянул дежурный и жестом показал: приехал адвокат. Илья поднялся.

- Вы знали, что Вера Соколова готовила процедуру заранее?
- Нет.
- Вы её ненавидели?

Максим закрыл глаза. Под веками быстро двинулись зрачки. На шее выступил пот. Монитор коротко предупредил о скачке давления.

Когда он снова посмотрел на Илью, голос остался ровным.

- Я помню, что да.

Адвокат вошёл сразу после ответа и потребовал прекратить опрос. Илья выключил запись, назвал точное время и не стал задавать вопрос, который уже держал на языке: помнил ли Максим ненависть до встречи или только то, что она была необходима для выстрела.

В коридоре криминалист передал ему предварительный снимок фиолетовой карточки. Под обычным светом она оставалась пустой. В узком спектре на поверхности проступили две дуги отпечатков и тонкая царапина в форме пяти расходящихся линий.

— Логотип? — спросил Илья.

— Слишком мелко. Может быть след считывателя.

Он убрал снимок в папку. За стеклом адвокат наклонился к Максиму, но тот смотрел не на него. Смотрел на накрытое тело и механически проводил большим пальцем по указательному, будто проверял шов, которого уже не было.

Первый допрос закончился признанием. Расследование началось с движения, которое признание не объясняло.

Глава 2. Послеобраз

В камере не выключался свет.

Лампа занимала почти весь потолок и была закрыта матовой панелью. Максим не видел отдельных диодов, однако различал частоту их пульсации. Семьдесят герц, может быть, чуть меньше. Если долго смотреть вверх, по краям зрения проступала мелкая рябь.

Он смотрел.

На двадцать восьмом вдохе панель стала сиреневой. Потом цвет ушёл, оставив под веками прямоугольник. Максим закрыл глаза и дождался, пока послеобраз сменит три оттенка: зелёный, жёлтый, тёмно-синий. Ника любила этот опыт. В девять лет она светила фонариком на красную бумагу, затем зажималась и спорила, какого цвета пятно появилось внутри головы.

Он помнил её смех. Знал высоту голоса, промежуток между короткими вдохами. Мог восстановить положение передних зубов до того, как ей поставили пластинки.

Смех ничего с ним не делал.

Максим открыл глаза.

У двери стоял бумажный стакан с водой. Его принесли сорок две минуты назад. Вода должна была согреться до температуры камеры, но на стенке ещё держался конденсат. Значит, здесь было холоднее, чем ему казалось, или чувство времени ошибалось.

Он не помнил сна. Последовательность сохранилась до момента, когда погас свет в коридоре: шаги конвоира, щелчок замка, шорох вентиляции. Потом сразу появился серый потолок. Ни образов, ни резкого пробуждения. Возможно, он не спал и потерял промежуток. Возможно, в шприце медиков был ещё один препарат.

Максим сел на край койки. Правая ладонь ныла у основания большого пальца. На коже не было ни синяка, ни пореза.

Он вытянул руку перед собой.

Пальцы сложились вокруг отсутствующей рукояти.

Мизинец и безымянный плотнее, указательный свободен, подушечка большого упирается туда, где должна находиться кнопка фиксатора магазина. Движение получилось чистым. Он повторил медленнее. Мышцы знали последовательность без подсказки.

Вера отступила. Каблук её правого ботинка скользнул по полу, но равновесия она не потеряла. Сказала: «Макс, посмотри на меня». Он поднял пистолет. Мушка закрыла родимое пятно у левого виска, потом опустилась к груди.

Палец выбрал свободный ход спуска.

Максим остановил руку.

Сердце билось ровно.

Он ждал хотя бы отвращения. Оно не пришло. Не возникло и облегчения. Картинка обладала той же значимостью, что инструкция по разборке оружия: одно действие следует за другим, ошибка приводит к задержке, последовательность можно воспроизвести.

Так не должно было быть.

Это суждение сохранилось. На чём оно держалось, Максим определить не мог.

Он подошёл к двери и постучал костяшками.

— Мне нужен врач.

Смотровое окно открылось не сразу.

— Вам плохо?

— Нет.

— Что случилось?

— Мне нужен протокол введённых препаратов и специалист по импланту.

— Медик будет на обходе.

— Когда?

— Ожидайте.

Окно закрылось.

Максим вернулся к койке. В углу под потолком темнел объектив. Камеру нельзя было отключить, даже во время разговора с защитником: для этого существовала отдельная комната. Он сел так, чтобы правая сторона головы была видна полностью.

За ухом тянуло. Он коснулся края разъёма. Кожа вокруг была тёплой, припухшей. Вчера перед сеансом контакты обрабатывал автоматический манипулятор; прикосновений почти не чувствовалось. Теперь каждый миллиметр кожи отзывался тупой болью.

На указательном пальце осталось прозрачное вещество. Медицинский клей.

Максим поднёс палец к объективу.

— Фиксирую повреждение герметизации импланта, — сказал он. — Возможный доступ после задержания или нарушение при отсоединении в лаборатории. Прошу внести в журнал.

Ответа не последовало.

Он вытер палец о край простыни и лёг. Головой к двери, ногами к стене. Так было безопаснее, хотя нападения он не ожидал.

Слово «безопаснее» вызвало образ Ники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.